

Бесплатные деньги в мышеловке надзорного капитализма: базовый доход и социальная теория

Александр Павлов

Доктор философских наук, доцент, Школа философии факультета гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: apavlov@hse.ru

Статья посвящена социальной теории безусловного базового дохода (регулярная денежная выплата каждому человеку безотносительно к уровню его нуждаемости или занятости). В статье отмечается, что в России в последние три года стали активно обсуждать базовый доход. Преимущественно это касается экономистов. Автор ставит вопрос в контексте социальной теории, обращаясь к западному социально-теоретическому контексту. В ситуации все более ускоряющихся изменений, влияющих на общество (от технологизации и автоматизации до сокращения социального времени), мир сталкивается с множеством глобальных вызовов. Таким вызовом является базовый доход. Называются причины актуализации темы всеобщего базового дохода в современных социально-теоретических дискуссиях последних десяти лет. Это автоматизация, трансформация экономики и, как следствие, изменение типов занятости, эксперименты по введению базового дохода в разных странах и главное — дискуссия о «бесполезности» многих профессий (Дэвид Грэбер) в рамках современного капитализма. Раскрывается понимание базового дохода его ключевыми сторонниками и теоретиками (Срничек, Уильямс, Ван Парайс, Вандерборхт, Форд, Грэбер, Стэндинг и т. д.), а также о то, что главной целью введения базового дохода чаще всего называется свобода. Доказывается, что на самом деле чаще всего речь идет об императиве свободы, не всегда проясненном содержательно. Однако как бы свобода ни понималась в трудах теоретиков базового дохода, в современных социально-экономических условиях она вряд ли будет реализована по причине того, что актуальный капитализм мутировал настолько, что теперь в качестве сырья использует не столько труд, сколько человеческий опыт как таковой. В этом контексте разговор об автоматизации является скорее мысленным экспериментом, и поэтому дискуссию следует переводить в другую плоскость. Но несмотря на то что, как считает автор, в реальности базовый доход не столько невозможен, сколько нежелателен, эта тема дает плодотворный материал для развития современной социальной теории.

Ключевые слова: базовый доход, социальная теория, социальная философия, экономика, капитализм, свобода, платформы, труд, надзорный капитализм

Безусловный базовый доход — это регулярная денежная выплата каждому человеку безотносительно к уровню его нуждаемости или занятости. Его также называют «универсальным», «всеобщим» и «гарантированным». В США на протяжении многих лет, подразумевая базовый доход, использовали слово «демогрант». К терминам, которые используются или когда-то использовались для обозначения того, что теперь называется «базовым доходом», относятся: «государственный бо-

нус», «социальный дивиденд», «всеобщий дивиденд», «всеобщий грант», «всеобщий доход», «доход гражданина», «доход от гражданства», «зарплата гражданина» и «жизненный доход» (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 19). История идеи базового дохода начинается с конца XVIII века, и с тех пор к теме, которая ранее называлась маргинальной, периодически возникает особый интерес. В условиях пандемии коронавируса, когда правительства разных стран обсуждают вопрос о выдаче пособий всему населению или отдельным группам населения, идея базового дохода становится актуальной темой. И хотя обсуждаемые и предпринимаемые меры нельзя считать базовым доходом, сама по себе ситуация подогревает интерес к данному вопросу. Впрочем, последняя вспышка интереса к идее базового дохода наблюдается на протяжении всего последнего десятилетия. Чем это обусловлено?

В ситуации все более ускоряющихся изменений, так или иначе влияющих на общество (от технологизации и автоматизации до сокращения социального времени), мир сталкивается с множеством вызовов, которые сегодня можно с полным правом назвать глобальными. В таком контексте многие задаются вопросом, что будет с трудом, занятостью и свободным временем в будущем, если вдруг работы не будет. Тем самым можно сказать, что все книги, журналы, статьи, доклады и т. д., посвященные базовому доходу, возникли не просто так, но как ответ на глобальный вызов современности. Вот почему идея базового дохода — совсем не умозрительная абстракция политической философии, каковой являлась некоторое время, и отнюдь не голубая мечта некоторых левых социальных философов. Базовый доход — стал вариантом теоретического решения конкретного практического вопроса — исчезновения (оплачиваемой) работы (для большинства населения), а вместе с нею, возможно, и труда. Впрочем, сам по себе этот практический вопрос может быть умозрительным и, если так можно выразиться, «футурологическим». Однако этим потенциал темы не исчерпывается. Как считает один из ее исследователей, Карл Видерквист, базовый доход — один из самых инновационных, мощных, простых, но вместе с тем и противоречивых вариантов борьбы с бедностью и возрастающим неравенством.

В этом исследовании мы последовательно разберем три вопроса — обсудим истинные причины актуализации темы базового дохода, разберем содержание данного понятия и, наконец, предложим возможные аргументы против теории базового дохода, учитывая достижения новейших социальных теорий капитализма. Тем самым мы сможем ответить на вопрос, является ли базовый доход решением нынешних социальных проблем.

Почему базовый доход стал так популярен

С тех пор, как философ Михаил Маяцкий в 2015 году констатировал, что «в русскоязычных общественных дебатах черед этой темы [безусловного базового дохода. — А.П.] еще явно не настал» (Маяцкий, 2015: 72), очень многое изменилось. С момента публикации эссе Маяцкого «Освобождение от труда, безусловное по-

сobie и глупая воля», в котором автор попытался поставить вопрос о базовом доходе в социально-философском ключе, менее чем за пять лет появилось много научных публикаций, в которых обсуждается данная проблема (Иноземцев, 2016; Ерофеева, Кловайт, 2018; Квашнин, 2019; Гонтмахер, 2019; Кузнецов, 2019; Кислицына, 2019). В 2018 году в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» состоялась конференция (Назарбаева, 2018), посвященная теме безусловного базового дохода, в которой приняли участие государственные деятели и ученые, занимающиеся разными дисциплинами. Также было переведено и опубликовано несколько книг, в которых раскрывается необходимость и желательность базового дохода (Горц, 2010; Стэндинг, 2014; Форд, 2016; Бриньолфсон, Макафи, 2017; Гринфилд, 2018; Брегман, 2018; Срничек, Уильямс, 2019; Ван Парайс, Вандерборхт, 2020). Среди последних особенно любопытна книга Рутгера Брегмана «Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир» и совместная работа философов Филиппа Ван Парайса и Янника Вандерборхта «Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики». И хотя последнее в своей весьма фундированной книге ссылаются на Брегмана, его «Утопия для реалистов» напоминает скорее агитацию бизнес-тренера, нежели серьезное научное исследование. В общем, можно утверждать, что черед темы в русскоязычных общественных (и что важнее — научных) дебатах определенно настал.

Учитывая уже относительно богатую библиографию темы, мы можем констатировать весьма примечательный факт. В России про базовый доход пишут преимущественно экономисты или же прикладные социологи, в то время как переведенные на русский язык книги по теме условно можно охарактеризовать как социально-философские. Если мы даже поверхностно изучим библиографии отечественных авторов, то обнаружим, что они не обращаются к ставшим уже классическими философским исследованиям базового дохода. Исключение составляет упоминаемая статья Маяцкого, в которой автор, правда, сосредотачивается не столько на исследовании, сколько на философско-экзистенциальной позиции, направленной против базового дохода, — позиция, смелая даже не столько в плане идеологии, сколько в смысле аргументации. Также можно упомянуть статью философа Дмитрия Давыдова, в которой автор скорее озабочен апологией социализма, нежели изучением базового дохода, то есть последний оказывается предметом, подчиненным более важному философскому вопросу (Давыдов, 2016). Обратим внимание на то, что рассуждения отечественных экономистов разительно отличаются от того, как базовый доход представлен в социальной теории. Первые говорят о конкретных вещах, хотя в последнее время все больше «засматриваются» на базовый доход как на желаемое для всех будущее. Вторые исходят из необходимости введения базового дохода, мотивируя свою точку зрения нормативными соображениями. Таким образом, потребность именно в социально-теоретическом осмыслении предмета налицо.

Отметим также, что на Западе безусловный базовый доход находится в фокусе скорее социальной теории или попадает в сферу «междисциплинарных исследова-

ний». Кроме того, западные экономисты, как и социальные теоретики, прибегают к нормативной аргументации, отмечая, что базовый доход приведет человечество к счастью и главное — свободе, общему знаменателю для многочисленных сторонников идеи (Widerquist, 2013; Walker, 2016). Вместе с тем это касается не всех экономистов: некоторые обсуждают базовый доход в контексте актуальной социальной политики и в целом смотрят на проблему прагматично, уделяя внимание вопросам администрирования базового дохода (Аткинсон, 2018: 375–384). В дальнейшем мы постараемся представить проблему безусловного базового дохода не как тему экономических дискуссий, сколько в контексте социальной теории. Тем более что философы стали обсуждать тему раньше экономистов, и в конечном счете базовый доход интересует их больше. Самое, возможно, любопытное состоит в следующем: не так-то уж просто найти тех, кто бы высказывался против базового дохода. Но, например, есть авторы, серьезно изучающие изменения в современной экономике, и они также обращают внимание на проблему базового дохода, сомневаясь в том, что он станет лучшим решением возникающих социальных проблем (Crouch, 2019; Munger, 2018). Почему же базовый доход стал столь актуален?

Прежде всего мы можем констатировать, что сегодня базовый доход находится в фокусе западных гуманитарных исследований и социальной науки. Политический теоретик и экономист Карл Видерквист — корифей изучения темы — стал редактором востребованной серии книг «Исследования базового дохода», в рамках которой с 2012 года вышло уже почти двадцать томов. Начал свою работу междисциплинарный журнал, полностью посвященный базовому доходу, «Basic Income Studies». Некоторые социальные и политические теоретики рассматривают базовый доход как решение всех социальных проблем и заговаривают об этом в конце своих последних книг (Стэндинг, 2014). Ярким примером здесь может быть Колин Крауч. Не так давно он попытался ответить на вопрос, как сделать капитализм приемлемым для общества, и не нашел ничего лучше, чем предложить социальное государство (Крауч, 2016). Однако в своей последней книге он, наконец, открыл для себя тему базового дохода, хотя и отметил, что она требует более развернутого обсуждения (Crouch, 2019). Есть и те исследователи, которые, диагностировав в свое время серьезные социальные проблемы, в итоге обнаруживают их решение в базовом доходе и посвящают данной теме отдельные книги.

В отношении последнего замечания мы должны обратить внимание, что многие авторы, рассуждая о современном состоянии труда и занятости, лишь описывали их определенные патологии, однако в итоге они пришли к тому, чтобы высказаться о базовом доходе непосредственно. Это касается, например, таких именитых авторов, как Гай Стэндинг (Standing, 2017) и Дэвид Грэбер (Graeber, 2018). Иными словами, тема стала широко обсуждаема лишь в последние десять лет — и, чтобы назвать вещи своими именами, авторы шли от диагноза проблемы, то есть ставили вопрос, как быть с занятостью в будущем, к ее решению, предлагая свои варианты ответа на поставленные вопросы. Вот почему нам, с одной стороны, необходимо учитывать их вклад, с другой — мы обязаны обратиться к исто-

кам концепции базового дохода в социальной философии. Мы также должны понимать, что существуют различные варианты видения базового дохода, которые отличаются друг от друга не только в нюансах, хотя и преимущественно в них, а также — различные нарративы о всеобщем базовом доходе. На что мы должны обратить особое внимание: тема в самом деле стала «модной» в интеллектуальном смысле неожиданно. Те, кто еще недавно мог считаться «маргиналами» социальной философии потому, что с завидной регулярностью писал о базовом доходе, сегодня стали уважаемыми социальными теоретиками, как, например, Филипп Ван Парайс (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020). В частности, экономист Энтони Аткинсон, предлагая аргументы в пользу своей концепции базового дохода (на основе участия), упоминает как альтернативу именно Ван Парайса (Аткинсон, 2018: 381); в качестве главного исследователя базового дохода упоминает Ван Парайса и Крауч (Crouch, 2019: 86). Постепенно возвращаются имена умерших социальных теоретиков, когда-то считавшихся «маргиналами», но сегодня становящихся все более актуальными, как, например, Андре Горц (Горц, 2010).

Основываясь на богатой литературе, можно назвать четыре причины актуализации темы — это возвращение темы автоматизации, реальные эксперименты по введению базового дохода, трансформации в экономике и проблема «бесполезных работ». Несмотря на то что все четыре причины могут быть взаимосвязаны, по сути, каждая из них представляет собой отдельную сторону проблемы и до определенной степени остается самостоятельной.

В современной литературе самой главной причиной актуализации темы безусловного базового дохода называется автоматизация, понимаемая в самом широком смысле (Форд, 2017; Срничек, Уильямс, 2019). Автоматизация грозит тем, что большинство «рутинных» профессий будут упразднены, впрочем, некоторые считают это не проблемой, а идеалом и включают автоматизацию в программу требований к будущему (Срничек, Уильямс, 2019). При этом речь идет не только об автоматизации производства, но и о более широкой проблеме замещения человека машиной. Базовый доход должен стать решением этой проблемы. Как пишут Филипп Ван Парайс и Янник Вандерборхт: «Чаще всего люди, публично выражающие поддержку этой идее — а их сегодня рекордное число, — в качестве аргумента приводят новую волну автоматизации, которая уже началась и, по прогнозам, в ближайшем будущем будет усиливаться. Она включает роботизацию, самоуправляемый транспорт, массовое замещение умственного труда человека вычислительной техникой». Ван Парайс и Вандерборхт особо отмечают, что книга Бриньолфсона и Макафи «Вторая эра машин», преисполненная «красок и драматизма, сыграла большую роль в том, что к идее базового дохода стали относиться серьезно» (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 12). Ирония, однако, заключается в том, что сами Бриньолфсон и Макафи, конечно, осведомленные о базовом доходе, вкратце описав его, прямо заявляют: «Придется ли нам в ближайшие десятилетия вновь вернуться к идее базового дохода? Возможно, однако, это будет далеко не идеальный выбор» (Бриньолфсон, Макафи, 2017: 301).

Мы должны отметить, что социальные последствия автоматизации — одна из центральных тем социальной теории со второй половины 1950-х годов. Это связано с укреплением и распространением «фордистских принципов производства» или «фордизма» (как базового способа крупномасштабной социальной и экономической организации в индустриальном обществе). Дэвид Харви показал, как после пика развития фордизма социальные теоретики обсуждали социальное государство, государство благосостояния, что было связано с сильным профсоюзным движением и развитыми механизмами партийного представительства труда в политических структурах развитых индустриальных обществ. Но при переходе от фордизма к постфордизму¹ тема также сошла на нет (Harvey, 1989: 125–172). Теперь, в условиях развития и распространения «радикальных технологий» (Адам Гринфилд), таких как, например, 3D-печать, машинное обучение и т. д., мы наблюдаем очередную волну дискуссий об автоматизации, а с ней — и новый этап постановки вопроса о социальной политике государства. Хотя некоторые видят основную причину обсуждений базового дохода именно в этой новой волне стремительной автоматизации, в итоге они соглашаются с тем, что сюда «добавляются другие факторы, и их взаимодействие настолько сложно, что точно установить вес каждого из них оказывается невозможно» (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 13). Однако мы можем сказать, что это не так, и настоящие (а не футурологические) проблемы для нынешних дискуссий в социальной философии — это труд и «бесполезные работы», а вовсе не автоматизация. Но многие авторы делают упор именно на последнем факторе.

Вторая причина актуализации темы базового дохода в междисциплинарных научных дискуссиях — это эксперименты по введению базового дохода в некоторых западных (и не только) странах. Речь идет главным образом о тех экспериментах, которые попали в радары медиа: о Швейцарии, чьи граждане на всеобщем референдуме высказались против базового дохода, и о Финляндии, где эксперимент с базовым доходом свернули, так как он не дал желаемых результатов. Это, не говоря уже об Италии, в которой то, что называется введенным «базовым доходом», просто не соответствует ключевым признакам самого понятия. Более того, краткосрочные государственные и даже частные (участие компаний-лидеров Силиконовой долины) эксперименты по введению базового дохода были проведены в Канаде (провинция Онтарио, 2017–2019) и США (штат Гавайи, 2017 и Стоктон, штат Калифорния, 2019), а также, что любопытнее — в Намибии (2008–2009) и Кении (Найроби, 2017). Почти во всех случаях ученым и политикам было важно понять, каково влияние базового дохода на мотивацию к труду. И почти во всех случаях

---

1. То есть к процессу постиндустриальной трансформации современных обществ, управляемому финансовализацией капитала и характеризующемуся резким сокращением доли крупного индустриального производства, ускоренной автоматизацией и роботизацией остающейся промышленности, значительным повышением экономической роли сферы услуг, а также приватизацией общественного сектора в сочетании с эрозией традиционных способов разрешения конфликтов между трудом и капиталом на основе профсоюзов и массовых партий.

стало известно, что эта мотивация невысока. Все это, конечно, не может не провоцировать широкие дискуссии.

Но куда важнее для дискуссий о базовом доходе становится трансформация экономики в условиях современного «гибкого капиталистического накопления и производства» (Harvey, 1989). Как отмечают большинство исследователей, экономика становится прекарной (Стэндинг, 2014; Crouch, 2019). Кто-то использует другие термины, как, например, Колин Крауч, называя ее «гигономикой». Самозанятость и частичная занятость угрожают благополучию не только «нового класса» социально не защищенных людей, но и благополучию людей вообще, поскольку отношения труда и капитала претерпевают серьезные изменения, а само будущее труда вызывает все больше и больше опасений. Своей книгой «Прекариат: новый опасный класс» (2011) Гай Стэндинг, давний сторонник базового дохода, определенно спровоцировал широкие дискуссии о базовом доходе среди экономистов. Эти дискуссии сегодня отзываются эхом в книгах о «будущем экономики». И хотя Стэндинг предлагал довольно мрачный прогноз развития ситуации в том случае, если его предложения не будут претворены в жизнь, сегодня социально-экономические теоретики не спешат с ним соглашаться. Тот же Крауч отмечает, что «гигономике не суждено превратиться в парадигматическую форму трудовых отношений будущей цифровой экономики», потому, что «фирмы могут получить значительную часть того, что им приносит гиг-форма занятости, обращаясь к другим формам прекаризации, а также успешно лоббируя отмену гарантий стандартной занятости» (Crouch, 2019: 9–10). Таким образом, Крауч обращается к теме базового дохода, но делает это с максимальной осторожностью.

Мы назвали три причины актуализации темы базового дохода — автоматизация, реальные эксперименты с введением базового дохода и проблемы труда и занятости в меняющейся экономике (работы)². Есть еще одна причина, которая, несмотря на то что касается скорее работы, оказывается не столько социально-экономической, сколько морально-политической. Именно поэтому мы выделяем ее особо и фактически называем главной для проблематики базового дохода (в третьей части статьи мы объясним, почему это так).

В 2013 году американский антрополог Дэвид Грэбер написал эссе о «беспольных работах» (Bullshit Jobs)³, которое породило обширные дискуссии и которое можно охарактеризовать как «скандалное». Ссылаясь на знаменитые прогнозы Кейнса (Кейнс, 2009), Грэбер отмечал, что при нынешнем высоком уровне технологизации мы все уже должны были бы жить в предсказанном им мире — рабо-

---

2. Оговоримся, что труд и работа могут быть синонимами, но могут и не быть. Обычно авторы, заявляя о том, что люди будут «работать» (за деньги) меньше, используют слово «work», в то время как слово труд (labor) обладает многими смыслами (и не всегда предполагает оплату, поскольку трудиться можно не только ради оплаты). Например, Срничек и Уильямс мечтают именно о мире «без работы».

3. «Bullshit Jobs» может переводиться на русский по-разному, соответственно, с разными коннотациями, например, как «бредовая работа», «паршивая работа» и т.д. Имея в виду всю возможную палитру переводов термина, в данном случае мы будем использовать «беспольная работа», поскольку такой вариант перевода уже существует.

тать в разы меньше, а процветать — в разы больше, ведь рабочие места в промышленности, как и предсказывалось, действительно были автоматизированы и сокращены. Однако вышло так, что технологии, которые должны были облегчать жизнь людям и освобождать их время, почему-то стали использоваться для того, чтобы «все мы стали работать больше». Почему так сложилось? Грэбер поставил под сомнение наиболее расхожий ответ на вопрос о том, почему прогноз Кейнса не сбился. Как правило, большинство авторов сходились на том, что Кейнс не учел фактор возрастающего консюмеризма. То есть в идеале люди в самом деле могли бы работать меньше, но при этом и меньше потреблять, так как работа обеспечивает условия и средства для потребления. Считается, что в итоге люди коллективно выбрали больше работать и больше потреблять. Но это, как настаивает Грэбер, совершенно не так. Потому что в итоге возникли бессмысленные и бесполезные работы, и теперь: «Масса людей в Европе и Северной Америке тратят все свое рабочее время на выполнение заданий, в необходимость которых не верят сами» (Грэбер, 2013).

Грэбер утверждал, что мы являемся свидетелями раздувания «не столько сферы „услуг“, сколько административного сектора, сферы финансов и телемаркетинга, беспрецедентного расширения секторов корпоративного права, управления образованием и здравоохранением, человеческими ресурсами и связями с общественностью. Это именно то, что я называю бесполезной работой» (Грэбер, 2013). По мнению Грэбера, подобная занятость приносит людям моральные страдания и не имеет никакого положительного эффекта. Иными словами, несмотря на угрозы все большего ухудшения положения «прекаритата» или автоматизации и, как следствие, упразднения многих профессий, «бесполезные работы» будут существовать всегда. Что с этим делать?

В 2013 году, как уже отмечалось, Грэбер просто констатировал патологию, и мы еще вернемся к этой теме, а пока заметим, что поставленный им диагноз оказался резонансным, в том числе для тех, кто обсуждает базовый доход. В контексте дискуссий о всеобщем базовом доходе имя Дэвида Грэбера всплывает с завидной регулярностью (Маяцкий, 2015: 76; Мейсон, 2015: 388; Гринфилд, 2018: 274–275; Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 46, 295), и многие используют его знаменитое эссе как аргумент (Брегман, 2018: 182). Одним словом, «теория бесполезных работ» в данном случае имеет непосредственное отношение к базовому доходу и особенно важна для нас в связи с логикой современного капитализма. Далее мы рассмотрим понятие базового дохода в работах его главного теоретика Филиппа Ван Парайса (и его соавтора Янника Вандерборхта) и, чтобы пояснить ключевой пункт для социально-философской проблематизации данной темы, сравним их подход с подходом других авторов — Ника Срничека и Алекса Уильямса.

Содержание социальной теории базового дохода

Итак, мы рассмотрели причины актуализации темы базового дохода во втором десятилетии XXI столетия. Учитывая все эти факторы, мы можем сказать, что данная тема объединяет людей разных политических ориентаций — как левых, так и правых — но, разумеется, далеко не все они выступают за эту идею. Взглянув на понимание базового дохода у авторов всего спектра политических идей, мы можем увидеть, насколько оказываются близки друг другу авторы, казалось бы, противостоящих политических взглядов. Давайте посмотрим на аргументы основных сторонников базового дохода, чтобы понять, в чем именно сходятся разные идеологические позиции. Но для того, чтобы понять, о чем именно ведутся дискуссии и как нам относиться к их предмету, необходимо также осуществить элементарную процедуру — определить, что же именно подразумевается под всеобщим базовым доходом. Дело в том, что практически все, кто пишет на эту тему, в единодушном порыве приветствуют утопию базового дохода, но оказывается, что единого понимания этого термина не существует. Очень часто авторы понимают под базовым доходом одно и то же, но при этом очень важными остаются некоторые нюансы.

Ключевым пунктом программы своей социальной теории базовый доход делают, например, британские новые «новые левые» Ник Срничек и Алекс Уильямс. Их «посткапитализм», который, что важно, представляет собой все еще капиталистическую формацию, включает четыре главных требования: это автоматизация, сокращение рабочей недели, базовый доход и упразднение трудовой этики. Все четыре пункта — это именно их требования. То есть авторы, не утверждая, что автоматизация уже наступила, настаивают, чтобы она наконец была осуществлена капиталистами. Все четыре пункта программы взаимообусловлены. Так, автоматизация повлечет за собой сокращение рабочей недели, ввиду этого неизбежное сокращение зарплаты рабочим потребует дополнительного обеспечения их жизни, что найдет свое выражение в базовом доходе. И в конце концов человечество, по мнению Срничека и Уильямса, должно освободиться от диктата трудовой этики, неуместной в условиях посткапитализма, и тогда наступит желаемое «царство свободы».

Призывая к реализации программы безусловного базового дохода, Срничек и Уильямс отмечают, что «нужно артикулировать три ключевых фактора, чтобы эта мера была осмысленной». Такой доход «должен обеспечивать *достаточный* доход для приемлемого уровня жизни; он должен быть *всеобщим*, то есть предоставляться каждому без всяких дополнительных условий; и, наконец, он должен *дополнять* социальное государство, а не служить ему заменой» (Срничек, Уильямс, 2019: 173). Срничек и Уильямс утверждают, что их проект является нормативным, а не описательным, политическим, а не экономическим. Это означает, что само значение безусловного базового дохода как политического требования у них сводится к четырем факторам. Во-первых, это желание не только экономических

изменений, но и политических. То есть имеется в виду не просто перераспределение средств, но изменение отношений труда и капитала. Тем самым пролетариат, получив возможность не соглашаться на работу лишь бы получить средства для существования, высвободится от зависимости от капитала. Во-вторых, неустойчивая занятость и безработица благодаря базовому доходу выйдут из состояния нестабильности, получат свободу для маневра. В-третьих, будет произведен перерасчет ценности разных типов труда, и тогда работа будет измеряться не только в терминах доходности, но также и в своей «сущности»: неоплачиваемые профессии начнут цениться больше. В-четвертых, базовый доход упраздняет предрассудки традиционного социального государства, основанные на том, что кормилец — всегда мужчина, и тем самым предоставляет свободу женщинам (Срничек, Уильям, 2019: 171–179).

Вышеназванные факторы подтверждают нормативный характер позиции Срничека и Уильямса. Проблема заключается в том, что эта нормативность — особенная, она идеологическая. Иными словами, их этическая позиция произрастает из идеологической, а не наоборот, что чревато некоторыми противоречиями. Например, они заявляют о необходимости отказаться от культуры труда (то есть от конвенционального требования иметь оплачиваемую работу и быть занятым), но постоянно обращаются к теме отношений труда и капитала. В таком случае, где логика в том, что они требуют упразднения работы (и культуры работы как таковой), но при этом сама работа останется, так как они выступают лишь за сокращение рабочей недели до четырех дней? Вероятно, ее следует упразднить, а всем позволить заниматься, чем захочется, имея досуг, предполагающий труд, или проводя время в праздности. Не обращая внимания на некоторые детали, Срничек и Уильямс требуют слишком многого. К этому мы вернемся позже. Пока же заметим, что нормативный характер такой позиции базируется на их видении посткапитализма, но целью всех их политических требований (автоматизация, сокращение рабочей недели, базовый доход и упразднение трудовой этики) они провозглашают свободу. В этом они не оригинальны: любой из сторонников безусловного базового дохода утверждает свободу в качестве главной ценности. Если для Срничека и Уильямса свобода это цель, то для Филиппа Ван Парайса и Янника Вандерборхта это нормативный критерий сам по себе. Давайте посмотрим, есть в позициях двух идеологических лагерей какие-то отличия, и если есть, являются ли они существенными.

Ван Парайс и Вандерборхт исходят не из идеологии, но из этической позиции, считая, что нормативный критерий, который помогает обосновать необходимость введения безусловного базового дохода — это «степень свободы, а если быть более точными — реальной свободы каждого члена общества, а не только богачей» (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 11). Важно, что в целом сам «левый либертарианец» Ван Парайс ранее отмечал, что безусловный базовый доход является проявлением «настоящего либертарианства» (Van Parijs, 1998: 25–29), однако в совместной с Вандерборхтом книге он не акцентирует на этом внимания. Как авторы видят

безусловный базовый доход в одной из самых последних редакций этой идеи? Его условия таковы: он является индивидуальным, то есть не привязанным к домохозяйству, всеобщим и должен выплачиваться без каких-либо обязательств (то есть он безусловен).

Первый пункт предполагает ответ на вопрос, кому и на каких условиях должен выплачиваться безусловный базовый доход. Ван Парайс и Вандерборхт полагают, что, вне всякого сомнения, доход должен выдаваться не на семью (домохозяйство), но строго индивидуально. Авторы, конечно, осведомлены обо всех сопутствующих этому требованию затруднениях. Например, как быть в случае полноценной семьи, где два кормильца (при условии, что несовершеннолетним детям тоже выплачивается базовое пособие, только меньше), или в случае семьи, в которой проживает много совершеннолетних? Денежные средства должны предназначаться не только мужчине, но каждому индивидуально, то есть и женщине, и всем остальным членам домохозяйства, потому что таково условие индивидуальных выплат. Это обеспечит свободу женщинам.

Как мы видели, Срничек и Уильямс отмечают, что это принципиальный момент, так как индивидуальные выплаты положат конец гендерному произволу, а впоследствии и гендерным предрассудкам. В то же время, предугадывая возможную критику, они утверждают, что базовый доход не стимулирует разводы, но скорее помогает освободиться женщинам от дисфункциональных отношений (Срничек, Уильямс, 2019: 176). Вместе с тем они не отвечают на вопрос, как быть тому, кто проживает один? Тому, кто ведет домохозяйство единолично, следует выплачивать больше, а семье, состоящей из многих членов, меньше? В отличие от Срничека и Уильямса, Ван Парайс и Вандерборхт учитывают этот нюанс, ведь в случае больших выплат одиноким у людей появятся мотивы не вступать в домашнее партнерство. Именно поэтому Ван Парайс и Вандерборхт и настаивают на равномерности и индивидуальности базового дохода.

Требование индивидуальности базового дохода дополняется требованием всеобщности, которое также расписывается в самых ярких красках. Ван Парайс и Вандерборхт пишут: «Когда базовый доход автоматически выплачивается всем лицам, легально проживающим на территории данной страны, предоставление доступа к пособиям не требует никаких специальных административных действий. Кроме того, общество больше не будет так явно делиться на тех, кто нуждается, и всех остальных, на тех, кому нужна помощь, и тех, кто может справиться сам. Нет ничего унижительного в получении базового дохода, гарантированного всем членам общества. И это важно не только с точки зрения достоинства людей. Это повышает эффективность, с которой смягчается бедность. Таким образом, устраняя сложности и стигматизацию, всеобщая схема может достичь высокого процента покрытия при низких издержках на сбор информации» (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 38).

Наконец, в отличие от Срничека и Уильямса, Ван Парайс и Вандерборхт обсуждают еще один важнейший нюанс. Они твердо уверены, что безусловный базовый

доход должен выплачиваться в денежной форме. Это очевидно, потому что именно денежная форма пособия подразумевает свободу распоряжаться полученными средствами по своей воле. Если безусловный базовый доход выдается в виде талонов на еду или в иных формах социальной поддержки, то свобода индивидов ограничивается, ведь в таком случае вы не можете распоряжаться доходом *безусловно*. Вместе с тем это требование отнюдь не должно превращаться в догму, считают Ван Парайс и Вандерборхт. По их мнению, там, где рынок не открыт, предполагаемая покупательная способность получателей безусловного базового дохода может быть уничтожена. Кроме того, иногда в ситуации отсутствия развитого рынка предоставление жилья и продовольствия — единственный выход сохранить плюсы от безусловного базового дохода. И поскольку безусловный базовый доход не должен заменить все социальные услуги, которые берет на себя обязательство выполнять государство, то лучше оставить возможности для «мягкого патернализма» (охрана публичных пространств, бесплатное образование, здравоохранение и т. д.) (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 27–28).

Щедрые регулярные выплаты от государства всем его членам ставят важный закономерный вопрос: как быть с экономическим ростом, если денег не будет. Хотя совмещение идеи экономического роста и идеи базового дохода может показаться оксюмороном (это так и есть), даже экономисты находят способ примирить два этих компонента в своих концепциях. Так, экономист Владислав Иноземцев не против базового дохода (впрочем, он отмечает, что он должен составлять 20–30% от средней заработной платы — такой размер базового дохода нельзя считать достаточным) при условии, если последний выплачивается в соответствии с грамотной экономической политикой. И — как типичный экономист — Иноземцев настаивает, чтобы этот доход способствовал экономическому росту, потому что такие выплаты способны оживить потребительский спрос и подтолкнуть те экономики, которые «не могут вернуться на траекторию устойчивого роста»⁴.

Но пока отечественные экономисты говорят про экономический рост, западные авторы уже давно фокусируются на концепции «антироста» (Павлов, 2019; Урри, 2018; Klein, 2014). Придерживаются ее и Ван Парайс с Вандерборхтом. Они отмечают:

Вера в панацею экономического роста подорвана по трем причинам. Во-первых, есть сомнения, что дальнейший рост желателен. Беспокойство по поводу экологических пределов экономического роста проявляется с 1970-х годов. Сегодня оно усилилось, поскольку стало известно о его необратимом и во многом непредсказуемом воздействии на климат. Во-вторых, даже среди тех, кто не подвергает сомнению желательность устойчивого роста, нет уверенности в том, что он вообще возможен. Относительно особенно Европы

---

4. Впрочем, кроме этого — первого — требования автор предлагает и другие аргументы в пользу базового дохода: кроме экономического роста это солидаризация общества, превращение системы базового обеспечения в «более рыночную» и возможность сделать государственные бюджеты более социально ориентированными. См.: Иноземцев, 2016.

и Северной Америки предсказывают наступление того, что Ларри Саммерс в 2016 г. назвал «вековой стагнацией». В-третьих, даже те, кто верит в желательность и возможность экономического роста, имеют основания сомневаться в том, что экономический рост содержит структурное решение проблем безработицы и прекарности. (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 15)

Впрочем, очевидно, что первый аргумент в данном случае наиболее сильный. По крайней мере, он обращен не только к экономистам. Ведь в условиях, когда капитализм угрожает планете, с чем соглашаются не только идеологически ангажированные мыслители (Moore, 2016), но и серьезные макросоциологи (Калхун, 2015; Манн, 2015), возникает закономерное требование того, что человечеству необходимо если и не отказываться от капиталистического способа организации общества, то хотя бы ограничивать худшие проявления капитализма. Базовый доход может помочь и в этом. Поскольку все большее потребление чревато все большим истощением ресурсов и ухудшением климатической среды, то, вероятно, стоит отказаться от самого потребления? Ван Парайс и Вандерборхт отмечают, что в случае введения безусловного базового дохода материальное потребление в развитых странах совершенно точно пострадает. Но именно к «этому нужно сознательно стремиться, потому что наша экономика должна быть не только эффективной. Еще она должна быть здоровой. А здоровье требует, чтобы мы нашли не только такой способ организовать экономику, при котором люди не будут страдать, но также и такой стиль жизни, которому можно следовать в масштабе всего человечества без ущерба для окружающей среды» (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 53).

Казалось бы, после обсуждения всех этих нюансов, отсутствующих в довольно популистских заявлениях Срничека и Уильямса, картина выглядит очень привлекательной, а аргументы крайне убедительными, и можно соглашаться на то, чтобы базовый доход поскорее ввели — индивидуально и для всех. Однако у нас остаются некоторые вопросы к самым глубинным основам концепции базового дохода. Базовый доход в самом деле может стать новой идеологией, которая объединит левых, либертарианцев (мы видим, что для такого союза есть все основания), феминисток, социальных либералов (кроме Джона Ролза) и много кого еще. Кроме всех деклараций у базового дохода есть даже путеводная звезда, необходимая всякой политической философии, — это свобода. Так, экономист Марк Уолкер вообще заявил, что без базового дохода свободы не существует: «Если вы считаете, что свобода является важной ценностью при управлении обществом, тогда вы должны согласиться с тем, что мы были лишены свободы. Как общество мы были бы свободнее, если бы гарантированный базовый доход был частью схемы распределения доходов в этой стране. Тот факт, что гарантированный базовый доход еще не стал реальностью, означает, что у нас похитили свободу» (Walker, 2016: 211).

Однако о какой именно свободе мы можем вести речь? Ван Парайс и Вандерборхт указывают, что базовый доход — лишь средство для благой цели: всеобщий базовый доход «действует не на обочине общества, а меняет отношение власти

в самом его центре. Смысл базового дохода не просто в том, чтобы облегчить тяготы, а в том, чтобы освободить нас всех. Это не просто способ сделать жизнь на Земле более сносной для нуждающихся, а ключевая составляющая тех преобразований в обществе и мире, которых мы ждем с нетерпением» (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 25). Это звучит даже более красиво, чем многие другие идеологии сторонников базового дохода, но что такое свобода в их понимании? В более ранней книге Ван Парайс подробно обсуждает смысл свободы (Van Parijs, 1998: 17–24), однако в новой, совместной работе с Вандерборхтом свобода остается чем-то эфемерным. Среди сторонников базового дохода мало кто утруждает себя прояснением данного понятия.

Этого, однако, нельзя сказать о Срничке и Уильямсе, которые концептуализируют идею свободы. Для них свобода — это не либеральная идея невмешательства, но «синтетическая свобода», которая возможна только тогда, когда действия индивида обеспечены достатком (Срничек, Уильямс, 2019: 115–122). Впрочем, для такого метатермина, как свобода, это не вполне удовлетворяющее объяснение. Если вы минимально защищены финансово, вы, конечно, можете использовать такую «свободу» для чего-то — быть волонтером или якобы не участвовать в процессе накопления капитала для некоторых агентов. Однако что с того? Представляется, что позиции теоретиков базового дохода могли бы быть совмещены с концепцией Филипа Петтита свободы как недоминирования, в которой, что крайне важно, упор сделан на человеческое достоинство.

Дело в том, что республиканизм, вероятно, является куда более удобным базисом для слияния различных идеологий. В частности, Петтит объявляет, что каждый человек должен открыто смотреть в глаза другим людям и достойно держать голову на плечах. Также он отмечает, что республиканизм куда ближе социальному либерализму, чем к либертарианству (Петтит, 2016). Так, республиканизм исходит из того, что неимущим слоям населения нужно помогать, но эта помощь должна исходить от государства, а не от меценатов, так как в последнем случае «бедные» попадают в ситуацию доминирования со стороны тех, кто в любой момент может произвольно лишить своих «подопечных» финансовой помощи (Петтит, 2015: 43–88). Важно, что Ван Парайс и Вандерборхт походя отмечают, что их позиция может быть близка республиканизму в интерпретации Филипа Петтита, но далее на развивают этот тезис, предпочитая солидаризироваться с другими авторами (Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 198). Собственно, уязвимость теории базового дохода и заключается в его главной цели — свободе. Если мы поместим базовый доход в более широкий контекст мутации капитализма, то увидим, что эта цель становится не такой уж и важной.

То, о чем (к сожалению) забывают сторонники базового дохода

Эрик Бриньолфсон и Эндрю Макафи не раз цитируют Вольтера, а именно его афоризм, что труд спасает человека от трех величайших зол — скуки, порока и нужды

(Бриньолфсон, Макафи, 2017: 302). Авторы замечают, что базовый доход способен решить проблему нужды, но ничего не сможет сделать с оставшимися двумя. Собственно, на свой лад этот тезис развивает в своем эссе Михаил Маяцкий. Оставляя за скобками многие другие его соображения, скажем, к какому выводу он, рассуждая о (не)целесообразности введения базового дохода, пришел. Маяцкий, конечно, осведомлен о том, что сегодня многие дисциплины активно изучают возникающие патологии, обусловленные трудом и занятостью, но закономерно вопрошает: «Не следует ли предусмотреть возможность появления определенных патологий, вызванных той самой свободой, которая исключает любые формы принуждения? Миленький и маленький современный стресс в преддверии отпуска и выходных, от которых *надо* урвать все, покажется детской забавой по сравнению с новыми фрустрациями, которые может таить в себе завтрашнее безусловное пособие» (Маяцкий, 2015: 85).

Этот вывод можно соотнести с фразой кумира «новых левых» Герберта Маркузе, когда тот, отвечая на вопрос о необходимости предоставления прав чернокожим, в том числе и права голоса, сказал: «Раз уж я вступил на опасный путь, надо пройти его до конца: я предпочту, чтобы у них не было права ошибочного выбора» (цит. по: Липсет, 2016: 560). Конечно, это принципиально разные вещи, но оба автора, так или иначе, отказывают людям в свободе. То есть даже если мы извратим аргумент Маяцкого таким образом, окажется ли он не прав в своих рассуждениях? По крайней мере, мы можем признать, что это весьма сильный аргумент против свободы, которую так рьяно отстаивают идеологи базового дохода. Но свободы, как видим, ведущей к скуке и, возможно, пороку, когда «глупая воля», как считает Маяцкий, возьмет верх у получателей бесплатных денег. Иными словами, можно утверждать, что скука и вытекающий из нее порок останутся тем социальным злом, с которым не справится базовый доход.

Ирония, однако, состоит в том, что автоматизация, которую сторонники базового дохода называют главным аргументом для его введения, не обязательно может быть этим самым аргументом. И вот почему. Даже Бриньолфсон и Макафи, предрекающие и предвкусующие всеобщую автоматизацию «второй эры машин», считают, что куда лучше базового дохода могут оказаться следующие решения социальных и экономических проблем. Так, можно, например, открыть паевой инвестиционный фонд, дающий гражданам право собственности на национальный капитал; платить людям за то, что они делают «общественную» работу; поддерживать труд, на который способен лишь человек; ввести ваучеры на предметы первой необходимости (продовольствие, жилье и т. д.) и т. д. (Бриньолфсон, Макафи, 2017: 318–319).

В отличие от Бриньолфсона и Макафи, футуролог и бизнесмен Мартин Форд считает, что базовый доход может быть решением проблем автоматизации. Он пишет, что есть два варианта реализации программы базового дохода — во-первых, выплачивать базовый доход всем взрослым, независимо от их благосостояния, и во-вторых, «только тем, кто находится в самом низу иерархии распределения

доходов и кто с появлением новых источников дохода останется не у дел. Несмотря на очевидную дешевизну второго варианта, он связан с высоким риском потери мотивации к труду» (Форд, 2016: 349). Поэтому экспериментировать, считает Форд, нужно с теми, у кого и так высокий уровень дохода. Даже притом что аргументация здесь ясна (снижение качества жизни, если люди, получая бесплатные деньги, не будут работать), кажется, что все же программы, направленные на помощь неимущим, более справедливы и более оправданны. Иными словами, зачем нужен базовый доход, если помогать нужно обездоленным, а не всем, включая тех, кому помощь не нужна?

Однако вся правда заключается в том, что автоматизация, как и сам базовый доход, является скорее социально-философской спекуляцией (хотя и, признаемся, восхитительной), нежели реальной проблемой. Например, социологи Нильс Кловайт и Мария Ерофеева исследовали проблему автоматизации и пришли к следующим любопытным выводам. Начать стоит с того, чем они закончили, а именно с существенной оговорки: они признаются, что их анализ не учитывает *многочисленных факторов*, которые могут повлиять на то, автоматизируется ли современный труд или нет. Тем самым их сценарий автоматизации, основанный на допущении о внедрении *только* искусственного интеллекта, является весьма ограниченным. Но даже выводы, к которым они приходят, проведя исследования, могут свидетельствовать о том, что аргумент автоматизации не является таким уж надежным. Прежде всего Кловайт и Ерофеева утверждают, что автоматизация будет не субститутивной (то есть упраздняющей профессии как таковые), но «невидимой», то есть машины постепенно уже выполняют и будут выполнять далее невидимые рутинные операции, которые находятся в основании многих профессий. И хотя это может иметь серьезные последствия для множества профессий, в любом случае «нынешняя тенденция к автоматизации, как можно заключить, не лишает людей работы» (Кловайт, Ерофеева, 2019: 76). Тем самым социальным теоретикам нужно ломать голову не над вопросами, как обеспечивать людям жизнь в будущем, но над тем, каким образом переосмыслить «профессиональную деятельность», «драматическую составляющую» труда и т. д. Таким образом, в контексте настоящей, а не выдуманной автоматизации тему базового дохода можно закрыть.

Но и это еще не все. Урбанист Адам Гринфилд как профессионал, имеющий дело с реальностью, а не футурологическими фантазиями, отмечает, что внедрять, интегрировать и использовать новые технологии гораздо сложнее, чем изобретать их (Гринфилд, 2018: 272). Так что даже существующие технологии, будоражащие воображение социальных теоретиков, станут повсеместными не скоро — в лучшем случае в среднесрочной перспективе. Именно поэтому Гринфилд иронизирует над «рядовыми поп-футуристами», обещающими, что «по мере развития автоматизации ни у кого не останется важных занятий», однако, несмотря на свой скептицизм, предлагает попробовать отнестись к этим «доморощенным бизнес-пророчествам» всерьез (Гринфилд, 2018: 274). В этом контексте Гринфилд прямо

выступает против мечтаний Срничека и Уильямса: с практической точки зрения «введение всеобщего базового дохода приведет не к тотальной праздности и ничем не ограниченной самореализации, а к дальнейшему усилению отчаяния и прекарности. Когда могущественные силы ждут не дождутся его введения, чтобы использовать в собственных целях, „требование“ введения всеобщего базового дохода — непростительное легкомыслие со стороны тех, кто считает себя левыми» (Гринфилд, 2018: 276–277). Хотя у Гринфилда есть и другие пункты для критики программы Срничека и Уильямса (а также базового дохода), мы ограничимся только этим соображением, потому что оно приводит нас к главному — базовый доход, будет автоматизация или нет, не решит, а усугубит социальные проблемы.

Здесь мы должны обратиться к теме, которая странным образом выпала из новейших дискуссий вокруг базового дохода, но которая походя возникает у Гринфилда. Акцент внимания на автоматизации и прекарной экономике, как это ни удивительно, оставляет в тени иную проблему — капитализма. Это не значит, что главные теоретики базового дохода про это не писали. Тот же Филипп Ван Парайс еще в 1986 году объявил базовый доход «капиталистической дорогой к коммунизму» (Van Parijs, 1993: 155–175). Но все же в какие отношения друг с другом будут вступать базовый доход (если он будет введен), труд и капитал? Как мы помним, с точки зрения Срничека и Уильямса, базовый доход переконфигурирует отношения труда и капитала, предоставив рабочим свободу. Возможно, все это верно, если речь идет о традиционном понимании капитализма.

В самом общем виде капитализм, если воспользоваться определением авторитетного социолога, это «способ организации экономической деятельности посредством быстрой переброски богатства (то есть капитала), осуществляемой за счет инвестирования в различные коммерческие предприятия» (Калхун, 2015: 224). Это социологическое и экономическое определение капитализма, в котором мы пока еще не видим темы работы и труда, но к ним мы вернемся очень скоро. Правда заключается в том, что в условиях автоматизации и диджитализации не только производственных предприятий, но и всего общества капитализм меняется. На самом деле уже классики социально-экономической мысли, такие как Йозеф Шумпетер, заметили, что капитализм эволюционирует путем создания инноваций, однако лишь немногие из этих инноваций играют важную роль в эволюции социально-экономической организации общества. Эти редкие инновации являются скорее неожиданными «мутациями», которые представляют собой не реакцию на конкретные обстоятельства, но сдвиги в логике накопления (Zuboff, 2019: 51).

Возможно, этим и объясняется озадаченность Дэвида Грэбера ситуацией с современным трудом. Если исходить из того, что капитализм функционален и рационален, очевидно, что он ориентирован на эффективность и результативность. Однако, как замечает Дэвид Грэбер, каким-то необъяснимым образом как будто специально возникли «бессмысленные специальности только для того, чтобы занять нас работой. И именно здесь и скрывается тайна. Для капитализма это как раз то, что не должно происходить», потому что любая компания, которая стре-

мится к максимизации прибыли, никогда не станет держать работников, нанимать которых не было необходимости. «Однако это каким-то образом происходит». Грэбер уверен, что такая система не могла быть создана сознательно, хотя и подходит существующему режиму власти финансового капитала: «И это единственное объяснение тому, что, несмотря на наши технологические возможности, мы все еще не работаем по 3–4 часа в день» (Грэбер, 2013). Вместе с тем Грэбер утверждает, что правящие элиты по политическим и моральным, а не экономическим соображениям, специально создают бесполезные работы. Но что если на самом деле именно это и есть истинная логика сегодняшнего капитализма?

В прошлом десятилетии британский социальный теоретик Марк Фишер назвал то, о чем фактически говорит Грэбер, «капиталистическим реализмом». Последний предполагает скорее некую сформировавшуюся (но не придуманную) идеологию, обеспечивающую успешное функционирование капитализма и современного социального порядка. Эта идеология оправдывает как раз все то, что представляется странным для эффективности и работоспособности капитализма — бесконечный аудит, превознесение несуществующих достижений вместо настоящего производства, а главное — обращение к эмоциям всех тех, кто живет в условиях «капиталистического реализма» (Фишер, 2010). С точки зрения Фишера, это отнюдь не заговор элит, но именно нечто гибкое, эфемерное и основанное на адаптирующейся ко всему логике, «которая-не-есть-субъект» (Там же: 124). И в то время как Грэбер называет рекламу «бесполезной работой», в условиях капитализма в фишеровском понимании, она более чем оправданна. Благодаря рекламе продаются товары и покупаются услуги, благодаря рекламе стимулируется потребление.

Что если Фишер заметил ту самую эволюционную мутацию, которую Грэбер списал на ошибку системы? Вспомним, что Фишер писал все это в прошлом десятилетии, и мы видим, что спустя время его пронципальные суждения подтвердились многочисленными фактами. Сам Грэбер обращает внимание на якобы дисфункциональность капитализма, когда на своих рабочих местах люди заняты отнюдь не работой: «Путем каких-то особых манипуляций, которые никто толком не может объяснить, число получающих зарплату бумагоперебирателей каким-то образом расширяется, и все больше и больше людей обнаруживают, что работают 40 или 50 часов в неделю, из которых эффективными являются 15, как и предсказывал Кейнс, так как все остальное время они заняты организацией или посещением мотивирующих семинаров, редактированием своих страничек на Facebook или скачиванием сериалов» (Грэбер, 2013). И это ключевой пункт для нашего повествования. В логике обычного капитализма, вероятно, это может считаться неправильным. Но ведь капитализм меняется, адаптируясь под новые социальные и технологические условия.

Доказывая, что работа — это зло для современного человека, Срничек и Уильямс пишут, что в пользу этого тезиса свидетельствует начавшееся сопротивление на рабочих местах, «когда работники бродят по интернету вместо того, чтобы делать свою работу» (Срничек, Уильямс, 2019: 166). Но означает ли это настоящее

сопротивление капитализму? Спустя несколько лет Срничек обратился к новой проблеме — платформенному капитализму, в рамках которого главными агентами капитала являются платформы типа Facebook, Uber, Amazon и т. д. (Срничек, 2019). Диагноз проблемы Срничеком можно назвать любопытным, но решение, которое он предлагает, весьма скромное: платформы надо обобществить (Сафронов, 2019; Морозов, 2019). Теперь в планах Срничека новая книга, над которой, по его словам, он работает со своей женой Хелен Хестер. В очередной книге Срничек намерен вернуться к теме, обсуждаемой в «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда», и скорректировать некоторые идеи и утверждения в том, что касается «постработы». В частности, Срничек признается, что в контексте автоматизации, рассуждая лишь о работе на фабриках, логистике и работе в офисе, не учитывал огромное количество репродуктивного труда. Также теперь он утверждает, что «работа сохранится. А социальная борьба развернется вокруг свободного времени, и чтобы оно поровну распределялось» (Срничек, Хестер, 2020).

Сложно сказать, объединит ли автор темы предшествующих книг, но пока что, исходя из его интервью, можно предполагать, что он не сильно озабочен базовым доходом. Когда же он говорит про платформенный капитализм, то воспроизводит аргументы Эндрю Кина о том, что на интернете зарабатывают лишь крупные компании (Кин, 2016). Срничек считает, что

...технологии, облегченное налогообложение, социальные сети и т. д. Во многих отношениях это очень-очень полезно. Но сконструирован он [платформенный капитализм. — А.П.] так, что наибольшую прибыль получают не работники, в том числе креативные, а разработчики в Кремниевой долине. И не все, кто снимает видеоблоги, становятся популярны. Есть, конечно, истории успеха, но если вы посмотрите исследования, то увидите, что для подавляющего большинства блогеров это бескорыстный труд, труд по любви, на котором наживаются крупные компании. Маркетинг этих компаний построен на том, чтобы все стремились стать инфлюенсерами, но очень небольшое число людей ими действительно становятся. (Срничек, Хестер, 2020)

То есть даже в контексте платформенного капитализма и свободного времени Срничек пока не возвращается к прежним «требованиям». Вероятно, базовый доход и пострабочее общество — весьма неудобные для анализа темы в контексте исследования цифрового капитализма.

В 2000-е классики теории базового дохода, такие как Андре Горц, возлагали на интернет большие надежды, с оптимизмом утверждая возможности «диссидентов цифрового капитализма» (Горц, 2010: 87–97), однако сегодня стало ясно, что эти мечты были напрасными. Современный социальный теоретик Шошанна Зубофф делает то же самое, что и Срничек, но более основательно, изящно и, скажем так, широко. Новый этап капиталистической формации она называет «надзорным капитализмом» (Surveillance Capitalism). Сама Зубофф говорит о семи значениях термина, но чаще всего в ее книге имеются в виду следующие: это «новый эконо-

мический порядок, претендующий на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи», это «паразитическая экономическая логика, в рамках которой производство товаров и услуг подчинено новой глобальной архитектуре изменения поведения», а также «серьезная угроза человеческой природе в XXI веке, сравнимая с той угрозой, какую представлял промышленный капитализм природному миру в XIX и XX веках» (Zuboff, 2019: v). Здесь не место подробно разбирать концепцию Зубофф, достаточно лишь обратить внимание на то, что она точно диагностировала проблему новой логики капитализма, чтобы вернуться к проблеме базового дохода.

Сам Грэбер в итоге пришел к тому, что проблему с «бесполезными работами» можно решить с помощью всеобщего базового дохода (Graeber, 2018). Но это не может быть решением в условиях, когда понятие труда и работы становятся слишком размытыми. Будет ли у людей работа, или нет, базовый доход станет лишь прибылью для нового типа капитала — надзорного, покупающего человеческий опыт и прогнозирующего поведение. Пока на рабочих местах люди ведут якобы партизанскую борьбу путем траты времени на социальные сети, последние лишь капитализируются. Нет никаких сомнений в том, что «бесплатные деньги» смажут «колеса экономики в целом», как заявляют фанаты базового дохода, ведь тогда «люди больше покупают, что стимулирует занятость и доходы» (Брегман, 2018: 39). Но вот только чьи это доходы? Ведь люди будут не столько больше покупать, сколько больше потреблять. Полученное пособие, предоставляемое *государством*, будет потрачено. Только на что?

Если учесть, что капитализм стал уже не только когнитивным (Горц, 2010), но также и коммуникативным (Dean, 2014) и даже эмоциональным (Бариле, 2015), то очевидно, что продается все, равно как и все превращается в прибыль. Николай Афанасов, например, утверждает, что каждый наш клик в интернете переводит наши действия в «труд», вся прибыль от которого в виде данных передается платформам (Афанасов, 2019). Это соображение было высказано даже раньше критиком интернета Эндрю Кином, полагающим, что от сети получают прибыль единицы, в то время как остальные становятся всего лишь источником этой прибыли (Кин, 2016). Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о критике сети, но о том, что если люди, получая бесплатные деньги, по желанию обретут свободное (от труда) время, а вместе с ним праздность, переходящую в скуку, то в условиях «коммуникационного изобилия», когда, как это сформулировал еще в 2013 году политический теоретик Джон Кин, «быстро приходит в упадок искусство ничегонеделания или созерцания видов из окна» (Кин, 2015: 14), они выберут другое окно — окно на рабочем столе своего ноутбука или стационарного компьютера. Все это является дополнительным аргументом в пользу позиции Адама Гринфилда о том, что капитализм лишь «ждет не дождется», когда наконец будет введен базовый доход.

Суммируем все сказанное выше. В ситуации надзорного (а также коммуникативного, платформенного, цифрового и др. видов) капитализма, когда платфор-

мы продают прогнозируемое поведение человека и весь его опыт, вряд ли можно вести речь о какой-либо свободе. Денежная форма базового дохода, которой отдают предпочтение его теоретики, предполагает, что она будет выплачиваться суверенным государством. Однако эти полученные деньги, как велит логика «глупой воли», будут потрачены теми, у кого есть достаток, скорее всего, на новую продукцию Apple, с помощью которой пользователи будут проводить время в Facebook, заказывать товары с Amazon и проводить все больше времени на платформе Netflix. Таким образом, прибыль от базового дохода будет идти международным платформам, тем самым нанося угрозу суверенитету государства (Дин, 2019: 88–91). В таком случае, вероятно, лучше, чтобы государство выдавало бесплатные деньги тем, кому они действительно нужны: неимущим, тем, кому меньше повезло, и тем, кто скорее потратит пособие на необходимые еду и одежду. Иными словами, целевые социальные программы в условиях надзорного капитализма кажутся более обоснованными, чем всеобщий базовый доход.

Заключение

Итак, мы рассмотрели причины актуализации темы всеобщего базового дохода в современных социально-теоретических дискуссиях. Это автоматизация, трансформации экономики и, как следствие, изменение типов занятости, эксперименты по введению базового дохода в разных странах, и главное — дискуссия о бесполезности многих профессий в рамках современного капитализма. Далее речь шла о понимании базового дохода его ключевыми сторонниками и теоретиками, а также о том, что главной целью введения дохода называется свобода. Однако как бы эта свобода ни понималась, в современных социально-экономических условиях она вряд ли будет реализована по причине того, что актуальный капитализм мутировал настолько, что теперь в качестве сырья использует не столько труд, сколько человеческий опыт как таковой. В этом контексте разговор об автоматизации является скорее мысленным экспериментом. Более того, автоматизация на самом деле не угрожает исчезновению работ, а упразднение «бесполезных работ» (Дэвид Грэбер) не может быть реализовано с помощью введения базового дохода. Таким образом, в реальности базовый доход не столько невозможен, сколько нежелателен.

Однако это не означает, что проблему базового дохода не следует обсуждать. Она представляет большой интерес для современной социальной теории. Например, некоторые авторы отстраивают новые нарративы в истории идей. Это один из самых достойных и важных плодов дискуссий вокруг базового дохода. Мы получаем возможность взглянуть на то, как на наших глазах формируется еще один вариант истории социально-политической и экономической идеи. Это, однако, не вполне настоящая история, но «история», представляющая собой попытку придать респектабельность политической идее. Для сравнения: чем-то подобным занимался Филип Петтит, когда придумал «историю» идеи республиканизма.

Впрочем, «история» идеи базового дохода подается сторонниками темы более объективно, например так, как это делают Ван Парайс и Вандерборхт, когда пытаются показать все оттенки темы в противоречивых и конкурирующих концепциях Томаса Пейна, Жозефа Шарлье, Джона Стюарта Милля и Джона Гелбрейта. Также базовый доход позволяет говорить о новых идеологических синтезах и новых темах для нормативной политической теории. Наконец, он является важным мысленным экспериментом, и аргументы в его пользу могут обогатить современную социальную теорию.

Вместе с тем, повторимся, все это не должно уводить нас от реальных проблем — преимущественно нового типа капиталистической логики.

Литература

- Аткинсон Э. Б. (2018). Неравенство: как с ним быть? М.: Дело.
- Афанасов Н. Б. (2019). Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // Галактика медиа: журнал медиаисследований. Т. 1. № 1. С. 43–61.
- Бариле Н. (2015). Брендинг «я» в эпоху эмоционального капитализма: эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди // Логос. Т. 25. № 3. С. 138–161.
- Брегман Р. (2018). Утопия для реалистов: как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер.
- Бриньолфсон Э., Макафи Э. (2017). Вторая эра машин: работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. М.: АСТ.
- Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. (2020). Базовый доход: радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: ВШЭ.
- Гонтмахер Е. Ш. (2019). Базовый (безусловный) доход: политэкономический аспект // Экономическая политика. Т. 14. № 3. С. 70–79.
- Горц А. (2010). Нематериальное: знание, стоимость и капитал. М.: ВШЭ.
- Гринфилд А. (2018). Радикальные технологии: устройство повседневной жизни / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Дело.
- Грэбер Д. (2013). О феномене бесполезных работ. URL: <https://avtonom.org/news/david-greber-o-fenomene-bespoleznyh-rabot> (дата доступа: 16.02.2020).
- Давыдов Д. (2016). Концепция базового основного дохода: к коммунизму или к рентному обществу? // Неприкосновенный запас. 2016. № 2. С. 46–57.
- Дин Дж. (2019). Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29. № 6. С. 85–116.
- Ерофеева М. А., Кловайт Н. (2018). Базовый доход: капиталистический путь к коммунизму? Рецензия на книгу: Standing G. (2017) Basic income. And how we can make it happen, London: Pelican, Penguin Books // Социология власти. 2018. Т. 30. № 4. С. 257–267.
- Ерофеева М. А., Кловайт Н. (2019). Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации // Логос. Т. 29. № 1. С. 53–84.

- Иноземцев В.* (2016). О безусловном доходе // *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 22–32.
- Калхун К.* (2015). Что грозит капитализму сегодня? // *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Ин-та Гайдара. С. 216–265.
- Квашнин Ю. Д.* (2019). Базовый доход для европейских стран: от теории к практике // *Современная Европа*. № 3. С. 171–181.
- Кейнс Дж. М.* (2009). Экономические возможности наших внуков // *Вопросы экономики*. № 6. С. 60–69.
- Кин Дж.* (2015). Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ.
- Кин Э.* (2016). Ничего личного: как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы и спользуют наши персональные данные для собственной выгоды. М.: Альпина Паблишер.
- Кислицына О. А.* (2019). Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 3. С. 32–47.
- Крауч К.* (2016). Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: ВШЭ.
- Кузнецов Ю. В.* (2019). Безусловный базовый доход и проблема асимметрии информации // *Экономическая политика*. Т. 14. № 3. С. 80–95.
- Липсет М.* (2016). Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль.
- Манн М.* (2015). Конец, может, и близок, только для кого? // *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Ин-та Гайдара. С. 113–154.
- Маяцкий М.* (2015). Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // *Логос*. Т. 25. № 3. С. 72–87.
- Мейсон П.* (2015). Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Морозов А. В.* (2019). Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // *Галактика медиа: журнал медиаисследований*. Т. 1. № 2. С. 226–242.
- Назарбаева Е. А.* (2018). Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века. Международная научно-практическая конференция НИУ ВШЭ, 14 ноября 2018 г., Москва // *Экономическая социология*. Т. 19. № 5. С. 139–145.
- Павлов А. В.* (2019). Будущее как предмет социальной теории // *Социологическое обозрение*. Т. 18. № 3. С. 328–344.
- Петтит Ф.* (2015). Гражданская республиканская теория // *Роцин Е. (ред.). Современная республиканская теория свободы*. СПб.: ЕУСПб. С. 43–88.
- Петтит Ф.* (2016). Республиканизм: теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Сафронов Э.* (2019). Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // *Логос*. Т. 29. № 3. С. 279–289.
- Срничек Н.* (2019). Капитализм платформ. М.: ВШЭ.

- Срничек Н., Уильямс А.* (2019). *Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда*. М.: Strelka Press.
- Срничек Н., Хестер Х.* (2020). «Люди больше не верят в хорошие вещи». Интервью с философами Ником Срничком и Хелен Хестер. URL: <https://zeh.media/zhizn/intervyu/9735410-samoje-slozhnoye--zastavit-lyudey-poverit-v-vozmozhnost-luchshego-mira-intervyu-s-filosofami-nikom-s> (дата доступа: 18.03.2020).
- Стэндинг Г.* (2014). *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Урри Дж.* (2018). *Как выглядит будущее?* М.: Дело.
- Фишер М.* (2010). *Капиталистический реализм / Пер. с англ. Д. Кралечкина*. М.: Ультракультура 2.0.
- Форд М.* (2016). *Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Crouch C.* (2019). *Will the Gig Economy Prevail?* Cambridge: Polity Press.
- Dean J.* (2014). *Communicative Capitalism and Class Struggle // Spheres: Journal for Digital Cultures*. Vol. 1. № 1. P. 1–16.
- Graeber D.* (2013). *On the Phenomenon of Bullshit Jobs: A Work Rant*. URL: <http://www.strike.coop/bullshit-jobs/> (дата доступа: 16.02.2020).
- Graeber D.* (2018). *Bullshit Jobs: A Theory*. N.Y.: Simon & Schuster.
- Harvey D.* (1989). *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell.
- Klein N.* (2014). *This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate*. L.: Allen Lane.
- Moore J. W.* (2016). *The Rise of Cheap Nature // Moore J. W. (ed.). Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*. Oakland: PM Press. P. 78–115.
- Munger M. C.* (2018). *Tomorrow 3.0: Transaction Costs and the Sharing Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Standing G.* (2017). *Basic Income, And How We Can Make It Happen*. L.: Pelican.
- Van Parijs Ph.* (1993). *Marxism Recycled*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Van Parijs Ph.* (1998). *Real Freedom for All: What (if Anything) can Justify Capitalism*. Oxford: Clarendon Press.
- Walker M.* (2016). *Free Money for All: A Basic Income Guarantee Solution for the Twenty-First Century*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Widerquist K.* (2013). *Independence, Propertylessness, and Basic Income: A Theory of Freedom as the Power to Say No*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Zuboff S.* (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. N.Y.: PublicAffairs.

Free Money in a Mousetrap of Surveillance Capitalism: Basic Income and Social Theory

Alexander Pavlov

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, National Research University — Higher School of Economics

Leading Research Fellow, RAS Institute of Philosophy

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: apavlov@hse.ru

The article concerns the social theory of an unconditional basic income (a regular payment to each person regardless of their level of need or employment). The article points out that, during the last three years in Russia, the idea of a basic income has been actively discussed. This applies mainly to economists, whereas the author puts the question of a basic income in the context of Western social theory. In a situation of ever-accelerating changes that affect society (from technologicalization and automation to the reduction of social time), the world faces many global challenges. A basic income is one of them. The article highlights the reasons for the actualization of the topic of a universal basic income in contemporary social theory of the last ten years. These include automation, the transformation of the economy leading to changes in the types of employment, experiments on the implementation of a basic income in some countries, and most importantly, the discussion of “bullshitization”, which has happened to many jobs in the framework of contemporary financial capitalism (David Graeber). It reveals the understanding of a basic income by its key proponents and theorists (Srniczek, Williams, Van Parijs, Vanderborght, Ford, Graeber, Standing, and others), as well as the fact that freedom is often called as the main goal of a basic income implementation. The paper demonstrates that, in fact, we are mostly talking about the imperative of freedom, which is not always properly clarified. However, it does not matter how freedom is understood in the works of basic income theorists since it is unlikely to be realized in modern socio-economic conditions, and because current capitalism has mutated so much that it now uses the very fabric of human experience rather than labor as its raw material. In this context, talks about automation is more of a thought experiment, and therefore the discussion should be shifted to another perspective. Despite the fact that, according to the author’s case, a basic income is not entirely impossible in practice (and even perhaps not being desirable), it provides fruitful material for the development of contemporary social theory.

Keywords: basic income, social theory, social philosophy, economics, capitalism, freedom, platforms, labor, surveillance capitalism

References

- Afanasov N. (2019) Svobodnoe vremya kak novaya forma truda: tsifrovye professii i kapitalizm [Spare Time as a New Form of Labor: Digital Professions and Capitalism]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 1, no 1, pp. 43–61.
- Atkinson A. B. (2018) *Neravenstvo: kak s nim byt’?* [Inequality: What Can Be Done?], Moscow: Delo.
- Barile N. (2015) Brendirovanie “ya” v epokhu emotsional’nogo kapitalizma. Ekspluatatsiya “pros’yumerov” ot ritoriki double-bind k gegemonii ispovedi [Branding the Self in the Age of Emotional Capitalism: The Exploitation of Prosumers, from the Rhetoric of “double bind” to the Hegemony of Confession]. *Logos*, vol. 25, no 3, pp. 138–161.
- Bregman R. (2018) *Utopia dlya realistov: kak postroit’ ideal’nyi mir* [Utopia for Realists: How We Can Build the Ideal World], Moscow: Alpina Publisher.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2017) *Vtoraya era mashin: rabota, progress i protsvetanie v epokhu noveyshikh tekhnologiy* [The Second Machine Age: Work, Progress and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies], Moscow: AST.
- Calhoun C. (2017) Chto grozit kapitalizmu segodnya? [What Threatens Capitalism Now?]. *Est’ li budushchee u kapitalizma?* [Does Capitalism Have a Future?], Moscow: Gaidar Institute Press, pp. 216–265.

- Crouch C. (2016) *Kak sdelat' kapitalizm priemlyemym dlya obshchestva?* [Making Capitalism Fit for Society], Moscow: HSE.
- Crouch C. (2019) *Will the Gig Economy Prevail?*, Cambridge: Polity Press.
- Davydov D. (2016) Kontseptsiya bazovogo osnovnogo dokhoda: k kommunizmu ili k rentnomu obshshestvu? [Basiv Universal Income Concept: towards Communism or Rental Society?]. *Neprikosnovenny zapas*, no 2, pp. 46–57.
- Dean J. (2014) Communicative Capitalism and Class Struggle. *Spheres: Journal for Digital Cultures*, vol. 1, no 1, pp. 1–16.
- Dean J. (2019) Kommunizm ili neofeodalizm? [Communism or Neo-Feodalism?]. *Logos*, vol. 29, no 6, pp. 85–116.
- Erofeeva M., Kloweit N. (2018) Bazovyi dokhod: kapitalisticheskiy put' k kommunizmu? Retsetsiya na knigu: Standing G. (2017) Basic income. And how we can make it happen, London: Pelican, Penguin Books [Basic Income: A Capitalist Road to Communism? Book Review: Standing G. (2017) Basic income, And How We Can Make It Happen, London: Pelican, Penguin Books]. *Sociology of Power*, vol. 30, no 4, pp. 257–267.
- Erofeeva M., Kloweit N. (2019) Rabota v epokhu razymnykh mashin: zarozhdenie nevidimoy avtomatizatsii [Work in the Age of Intelligent Machines: The Rise of Invisible Automation]. *Logos*, vol. 29, no 1, pp. 53–84.
- Fisher M. (2010) *Kapitalisticheskiy realizm* [Capitalist Realism], Moscow: Ultrakul'tura 2.0.
- Ford M. (2016) *Roboty nastypayut: razvitiye tekhnologii i budushchee bez raboty* [Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future], Moscow: Alpina Non-fiction.
- Gontmakher E. (2019) Bazovyi (bezuslovnyi) dokhod: politekonomicheskiy aspekt [Basic (Unconditional) Income: The Political Economic Aspect]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 14, no 3, pp. 70–79.
- Gorz A. (2010) *Nematerial'noe: znanie, stoimost' i kapital* [Immaterial: Knowledge, Value, and Capital], Moscow: HSE.
- Graeber D. (2013) On the Phenomenon of Bullshit Jobs: A Work Rant. Available at: <http://www.strike.coop/bullshit-jobs/> (accessed 16 February 2020).
- Graeber D. (2013) O fenomene bespoleznykh rabot [On the Phenomenon of Bullshit Jobs]. Available at: <https://avtonom.org/news/david-greber-o-fenomene-bespoleznykh-rabot> (accessed 16 February 2020).
- Graeber D. (2018) *Bullshit Jobs: A Theory*, New York: Simon & Schuster.
- Greenfield A. (2018) *Radikal'nye tekhnologii: ustroystvo povsednevnoy zhizni* [Radical Technologies: The Design of Everyday Life], Moscow: Delo.
- Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Oxford: Blackwell.
- Inozemtsev V. (2016) O bezuslovnom dokhode [About Universal Income]. *Neprikosnovenny zapas*, no 2, pp. 22–32.
- Keane J. (2015) *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence], Moscow: HSE.
- Keen A. (2016) *Nichego lichnogo: kak sotsial'nye seti, poiskovye sistemy i spetssluzhby ispol'zuyut nashi personal'nye dannye dlya sobstvennoy vygody* [The Internet is not the Answer], Moscow: Alpina Publisher.
- Keynes J. M. (2009) Ekonomicheskie vozmozhnosti nashikh vnukov [Economic Possibilities for Our Grandchildren]. *Voprosy ekonomiki*, no 6, pp. 60–69.
- Kislitsyna O.A. (2019) Vvedenie sistemy bezuslovnogo bazovogo dokhoda: chto dumayut rossiyanе? Kto "za", kto "protiv"? [Introduction of the Unconditional Basic Income System: What Do Russians Think About It? Who Is For? Who Is Against?]. *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no 2, pp. 32–47.
- Klein N. (2014) *This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate*, London: Allen Lane.
- Kuznetsov Y. (2019) Bezuslovnyi bazovyi dokhod i problema assimetrii informatsii [Universal Basic Income and the Problem of Information Assymetry]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 14, no 3, pp. 80–95.
- Kvashnin Y. (2019) Bazovyi dokhod dlya evropeyskikh stran: ot teorii k praktike [Basic Income for the European Countries: From Theory to Practice]. *Sovremennaya Evropa*, no 3, pp. 171–181.

- Lipset M. (2016) *Politicheskyi chelovek: sotsial'nye osnovaniya politiki* [Political Man: The Social Bases of Politics], Moscow: Mysl.
- Maiatsky M. (2015) Osvobozhdenie ot truda, bezyslovnnoe bazovoe posobie i glupaya volya [Liberation from Work, Unconditional Income and Foolish Will]. *Logos*, vol. 25., no 3, pp. 72–87.
- Mann M. (2015) Konets, mozhet, i blizok, tol'ko dlya kogo? [The End May Be Nigh, But for Whom?]. *Est' li budushchee u kapitalizma?* [Does Capitalism Have a Future?], Moscow: Gaidar Institute Press, pp. 113–154.
- Mason P. (2015) *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu* [Postcapitalism: A Guide to Our Future], Moscow: Ad Marginem Press.
- Moore J. W. (2016) The Rise of Cheap Nature. *Anthropocene or Capitalocene?: Nature, History, and the Crisis of Capitalism* (ed. J. W. Moore), Oakland: PM Press, pp. 78–115.
- Morozov A. (2019) Navigatsiya po akseleratsionizmu: ot nekapitalizma k postkapitalizmu cherez platformy [Navigating Accelerationism: from non-Capitalism to Postcapitalism via Platforms]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 1, no 2, pp. 226–242.
- Munger M.C. (2018) *Tomorrow 3.0: Transaction Costs and the Sharing Economy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nazarbaeva E. (2018) Bazovyi dokhod: prolog k sotsial'noy politike XXI veka. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya NRE HSE, 14 noyabrya 2018 g., Moskva [International Scientific Conference "Basic Income as a Prologue to Social Policy of the 21st Century", NRU HSE, November 14th, 2018, Moscow]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 5, pp. 139–145.
- Pavlov A. (2019) Budushchee kak predmet sotsial'noy teorii [The Future as a Subject of Social Theory]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 3, pp. 328–344.
- Pettit Ph. (2015) Grazhdanskaya respublikanskaya teoriya [Civic Republican Theory]. *Sovremennaya respublikanskaya teoriya svobody* [Modern Republican Theory of Freedom] (ed. E. Roshchin), Saint Petersburg: European University Press, pp. 43–88.
- Pettit Ph. (2016) *Respublikanizm: teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Safonov E. (2019) Kak akseleratsionizm prevratilsya v platformennyi kapitalizm [How Accelerationism Became Platform Capitalism]. *Logos*, vol. 29, no 3, pp. 279–289.
- Srnicek N. (2019) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], Moscow: HSE.
- Srnicek N., Williams A. (2019) *Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work], Moscow: Strelka Press.
- Srnicek N., Hester H. (2020) "Lyudi bol'she ne veryat v khoroshiye veshchi": Interv'y u filosofami Nikom Srnichek i Khelen Hester ["People no longer believe in good things": Interviews with Philosophers Nick Srnichek and Helen Hester. Available at: <https://zeh.media/zhizn/intervyu/9735410-samoye-slozhnoye--zastavit-lyudey-poverit-v-vozmozhnost-luchshego-mira-intervyu-s-filosofami-nikom-s> (accessed 18 March 2020).
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Moscow: Ad Marginem Press.
- Standing G. (2017) *Basic Income, And How We Can Make It Happen*, London: Pelican.
- Urry J. (2018) *Kak vyglyadit budushchee?* [What is the Future?], Moscow: Delo.
- Van Parijs Ph. (1993) *Marxism Recycled*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Van Parijs Ph. (1998) *Real Freedom for All: What (if Anything) Can Justify Capitalism*, Oxford: Clarendon Press.
- Van Parijs Ph., Vanderborght Y. (2020) *Bazovyi dokhod. Radikal'nyi proekt dlya svobodnogo obshchestva i zdorovoy ekonomiki* [Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy], Moscow: HSE.
- Walker M. (2016) *Free Money for All: A Basic Income Guarantee Solution for the Twenty-First Century*, New York: Palgrave Macmillan.
- Widerquist K. (2013) *Independence, Propertylessness, and Basic Income: A Theory of Freedom as the Power to Say No*, New York: Palgrave Macmillan.
- Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, New York: PublicAffairs.